Археологические вести

— 25 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

25
(2019)

Saint-Petersburg
2019

Археологические вести

25
(2019)

Санкт-Петербург
2019

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская (главные редакторы), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 25** / [Гл. ред. Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2019. — 334 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи каменного века до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся белозерской культуры бронзового века Днестровского бассейна и дискуссии о предроманских культурных импульсах в искусстве древнего Новгорода XI в. В выпуске представлены обзоры и рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о сотрудничестве литовских и российских исследователей, работы по истории науки. Среди авторов — ученые из России, Беларуси, Литвы и Болгарии.

The current issue of the annual “rkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS comprises articles devoted to the most recent investigations in the sphere of archaeology, history and culture. The results obtained from studies of ancient settlements and burial sites ranging chronologically from the Prehistoric to Mediaeval periods over the territory of Eurasia are here first published. Some of the articles consider particular archaeological complexes and individual categories of finds. A special section of this collection includes studies on current problems of archaeology concerned with the Belozersk culture of the Bronze Age in the Dniester basin area and a discussion of pre-Romanesque cultural pulses in the art of Novgorod of the 11th century. The annual presents reviews on the latest historico-archaeological publications, information on the cooperation between Lithuanian and Russian researchers and studies on the history of the science. Among the authors there are scholars from Russia, Belarus, Lithuania and Bulgaria.

Первая страница обложки: матрица с изображением сирены из производственного центра художественного литья из цветных металлов у с. Златар Преславского района (к статье С. Дончевой).

First page of cover: Embossing matrix with a representation of a siren from the manufacturing centre of artistic casting of non-ferrous metals near the village Zlatar, Preslav District (article by S. Doncheva)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2019

Комплекс случайных находок из д. Орлино

Е. Р. Михайлова, И. В. Стасюк, А. В. Хорошилова¹

Аннотация. В статье рассматривается комплекс случайных находок с берега Орлинского озера (Гатчинский р-н Ленинградской обл.), который, по мнению авторов, может происходить из разрушенного могильника. Это пять украшений из цветного металла, типичных для древнерусских памятников XI в., и две привески-лунницы, датируемые более ранним временем. Часть предметов несет на себе следы огня. Расположение предполагаемого могильника рядом с центром средневекового погоста типично для региона Ижорского плато, близ которого располагается Орлинское озеро.

Annotation. This paper considers an assemblage of stray finds from the bank of Lake Orlino (Gatchina District of Leningrad Oblast) which, in the opinion of the authors, possibly originates from a disturbed burial ground. The objects concerned are five ornaments from non-ferrous metal typical of Old-Russian sites of the 11th century and two lunate pendants dated to an earlier period. Some of these finds bear traces of fire. The location of a presumable cemetery near the centre of a mediaeval pogost (parish) is typical of the region of the Izhora Plateau near which Lake Orlino is situated.

Ключевые слова: случайные находки, раннее средневековье, древнерусские украшения, пельтовидная лунница, Ижорское плато, бассейн Луги, культура длинных курганов, курганно-жалыничный могильник.

Keywords: stray finds, early Middle Ages, Old-Russian ornaments, pelt-like lunula, Izhora Plateau, Luga River basin, culture of long kurgans, kurgan and zhalnik-grave cemetery.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-137-146

В январе 2018 г. житель г. Гатчина передал научному сотруднику Гатчинского дворца-музея А. В. Хорошиловой металлические предметы, собранные, по его словам, в прибрежной полосе у западного берега Орлин-

ского озера (Гатчинский р-н Ленинградской обл.) (рис. 1)².

Представленные в коллекции предметы хронологически неоднородны: большинство находок (пять предметов) относится к древнерусскому времени, еще два предмета — к более ранним периодам. Рассмотрим их.

Пельтовидная привеска-лунница с рельефной орнаментацией (рис. 2, 2а, 2б). Небольшие пельтовидные и сердцевидные привески хорошо известны в древностях V–VIII вв.

¹ Михайлова Е. Р. — Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, Санкт-Петербургский государственный университет. Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: e.mikhailova@spbu.ru; Стасюк И. В. — Отдел охранной археологии, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186. Россия; Хорошилова А. В. — Научно-фондовый отдел, Музей-заповедник «Гатчина». Красноармейский пр., д. 1, г. Гатчина, Ленинградская обл., 188300, Россия.

² Вызывает сомнение, что описываемые предметы были найдены в воде под слоем ила на глубине 1,0–1,5 м. Достоверное место находки неизвестно. Вещи относятся к разным хронологическим периодам, поэтому не исключено, что они происходят из разных мест. — *Прим. ред.*

Рис. 1. Местонахождение Орлино (а) и курганная группа Заозерье 1. Схема расположения археологических объектов на топографической карте

Fig. 1. Site of Orolino (a) and kurgan group of Zaozerye 1. Scheme of positions of archaeological objects in a topographic map

преимущественно в Восточной и Центральной Европе. Орлинская привеска, судя по ее внешнему виду, была отлита из оловянистой бронзы³ в односторонней форме, у края привески заметно небольшое отверстие от недолива. Наибольшие размеры изделия (вместе с ушком) — 19 × 20 мм, узкое пластинчатое ушко привески было отлито одновременно с ней в одной плоскости и потом отогнуто к тыльной стороне, образуя кольцо.

Практически точная аналогия, но с припаянным ушком и гораздо худшей сохранности, происходит из могильника культуры длинных курганов близ д. Раха Мошенского района Новгородской обл., раскопанного Г. Н. Прониным в 1980–1981 гг. (рис. 3, 1). Привеска была найдена в кургане № 8 в лепной погребальной

урне вместе с оплавленными стеклянными бусами. Сам предмет был описан автором раскопок как «бронзовая круглая подвеска с ушком (сильно оплавлена), украшенная циркульным орнаментом» (Пронин, 1988. С. 178). Недавно на привеску обратили внимание Е. Н. Носов и А. В. Плохов, публикуя материалы селища Съезжее, также расположенного на востоке Новгородской обл. (Носов, Плохов, 2016. С. 362. Рис. 17, 5).

Находки в могильнике Раха, как и в большинстве памятников культуры длинных курганов, малочисленны и позволяют датировать его только в широких временных рамках. Наиболее выразительный комплекс находок происходит из кургана № 5 этого могильника (погребение № 2) — это набор бронзовых пластинчатых деталей поясной гарнитуры, включавший 17 бляшек-скорлупок, умбоновидную бляшку, вытянутую почти трапециевидную обойму и две пронизки-трубочки (Пронин, 1988. Рис. 4). Однако и этот комплекс может быть датирован в рамках существования культуры в целом — с конца V до начала — первой половины XI в. (подробнее см.: Михайлова, 2014б. С. 46–52, 57–63).

Кроме упомянутой находки в могильниках культуры длинных курганов известны еще несколько пельтовидных привесок, изготовленных из тонкого серебряного или бронзового листа (рис. 3, 2–5), фрагмент миниатюрной литой привески из свинцово-оловянистого сплава (рис. 3, 6) и литейная формочка с соответствующим негативом (рис. 3, 7). В целом пельтовидные привески, встреченные в памятниках культуры длинных курганов, следует датировать концом VI — VIII в. (подробнее см.: Михайлова, 2014б. С. 93–97). Аналогии им хорошо известны в древностях V–VIII вв. в соседних регионах, например, в памятниках типа Подол III в Верхневолжье и в могильниках ольштынской группы в Северной Польше (Исланова, 2014. С. 29–30; Rudnicki, 2009).

Еще один предмет фрагментирован (рис. 2, 1). В настоящее время он представляет собой гладкую узкую лунницу с сохранившейся на одном конце шишечкой с перехватом. Другой конец обломан, ушка для привешивания

³ Анализ металла находок пока не произведен.

Рис. 2. Находки из местонахождения на берегу Орлинского озера: 1 — лунница с шишечкой; 2 — пельтовидная лунница; 3 — бусина 14-гранная; 4 — головка фибулы; 5 — серьга трехбусинная; 6, 7 — браслетообразные височные кольца. 1–4, 6–7 — медный сплав; 5 — серебро
Fig. 2. Finds from the site on the bank of Lake Orlino: 1 — lunula with a knob; 2 — pelte-shaped lunula; 3 — 14-faceted bead; 4 — head of a brooch; 5 — three-bead earring; 6, 7 — bracelet-like temple rings. 1–4, 6–7 — copper alloy; 5 — silver

предмет не имеет. Его максимальные размеры 21 × 26 мм. Велик соблазн счесть находку привеской-лунницей от набора конской узды римского времени (см., напр., Nowakowski, Banytè-Rowell 2008. Abb. 1b, 3d), однако полной уверенности в этом нет.

Два браслетообразных височных кольца (рис. 2, 6–7) изготовлены из гладкой проволоки желтого цвета (латунь или бронза) круглого сечения, диаметром 2,8–3,0 мм. Внешний диаметр обоих колец примерно 53 мм. Концы проволоки срезаны, несомкнуты, фаска подработана абразивным инструментом.

Трехбусинная серьга или височное кольцо (рис. 2, 5) состоит из гладких серебряных бусин

флаконовидной формы, нанизанных на проволочную дужку из медного сплава диаметром 1,6 мм. Один конец проволоки раскован в плоскость и спирально закручен, другой имеет коническое сужение до 1 мм, что говорит в пользу интерпретации изделия как серьги. Бусины зонной формы диаметром 9,5–9,6 мм, высотой 7,4 мм выполнены из двух литых половинок, соединенных качественной пайкой так, что шов на внешней поверхности практически незаметен. Отверстия окаймлены выступающим бортиком. На внешней стороне бусин заметны следы побежалости, на некоторых участках бус и проволочного стержня присутствует гладкая черная оксидная пленка (воронение),

Рис. 3. Пельтовидные привески-лунницы из памятников культуры длинных курганов:

1 — Раха, курган № 8 (Гос. Каталог Музейного фонда РФ: [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11771423>, дата обращения 26.02.2019); 2 — Рысна-Сааре II, курган № 2, погребение № 4 (Setomaa..., 2009. S. 96, jn. 10); 3 — Горско, высокий курган (рис. А. А. Александрова, предоставлен автором); 4, 5 — Любахин I, курган № 6, погребение № 1 (фото Е. Р. Михайловой); 6 — Березно I, курган № 15, погребение № 1 (рис. Е. Р. Михайловой); 7 — Лоози, курган № 6, погребение № 1 (Schmiedehelm, Laul, 1970. Jn. 4, 1). Масштабы: а — для № 1–5, 7; б — для № 6

Fig. 3. Pelte-shaped lunate pendants (lunnitsa) from sites of the culture of long barrows: 1 — Raha, barrow no. 8 (State Catalogue of the Museum Fund of RF: [site]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11771423>; 26.02.2019); 2 — Rysna Saare II, barrow no. 2, burial no. 4; 3 — Gorsko, high barrow (Drawing by A. A. Aleksandrov, contributed by the author); 4, 5 — Lyubakhin I, barrow no. 6, burial no. 1 (photo by E. R. Mikhaylova); 6 — Berezno I, barrow no. 15, burial no. 1 (drawing by E. R. Mikhaylova); 7 — Loozi, barrow no. 6, burial no. 1 (Schmiedehelm, Laul, 1970. Jn. 4, 1). Scale: a — nos. 1–5, 7; б — no. 6

характер которой предположительно указывает на нагревание изделия в углях костра в присутствии смолы деревьев хвойных пород при температуре, недостаточной для плавления металла. Это может служить косвенным признаком помещения изделия в горячие остатки кремации, угли погребального костра.

Височные кольца являются наиболее массовой разновидностью древнерусских метал-

лических головных украшений. Гладкие браслетообразные кольца из толстой проволоки с простыми несомкнутыми сходящимися или заходящими друг за друга концами были распространены в XI–XIII вв. преимущественно на северорусских территориях от восточного Причудья, верховий Днепра и Западной Двины до Верхневолжья и Вологодчины, хотя известны и в других регионах (Арциховский,

1930. С. 61; Левашева, 1967. С. 16; Рябцева, 2005. С. 70; Степанова, 2010. С. 278). Согласно Ю. М. Лесману, в слоях Новгорода незамкнутые проволочные кольца диаметром более 50 мм, концы которых не заходят друг за друга или заходят незначительно, появляются после 23-го яруса (после 1055 г.). Примерно в это же время они появляются в курганах Юго-Восточного Приладожья (Кочкуркина, 1989. С. 273). В Новгороде находки простых (с прямыми тупыми или заостренными концами) незамкнутых проволочных колец встречаются до 8-го яруса (до 1382 г.), однако не все они могут быть надежно идентифицированы как височные. В ближайших к Орлинскому местонахождению курганных могильниках Ижорского плато XII–XIII вв. гладкие височные кольца с несомкнутыми концами относительно малочисленны. В сравнении с ромбоцитковыми они составляют «не более трети общего числа височных колец», при этом «чаще встречаются гладкие височные кольца больших размеров (7–8 см); кольца средней величины встречаются вдвое реже» (Спицын, 1896. С. 13–14). В наиболее изученных могильниках округа Копорья находки варианта 1 по Е. А. Рябину (простые проволочные браслето- и перстнеобразные кольца с прямосрезанными концами или с одним заостренным концом) представлены девятью экземплярами из курганных захоронений в основании насыпи и курганов-жалыников (Рябинин, 2001. С. 55).

Трехбусинные серьги и височные кольца (разграничение между этими категориями головных украшений нечеткое) в разных вариантах, изготовленные из различных металлов и их сплавов, были широко распространены на всей древнерусской территории с рубежа X–XI вв. и пользовались большой популярностью как у сельского, так и у городского населения. Роскошно исполненные трехбусинные кольца и серьги из драгоценных металлов входят в состав кладовых комплексов XII–XIII вв. (Рябцева, 2005. С. 210). Наиболее поздние новгородские находки трехбусинных колец датируются временем до 1382 г. (Лесман, 1990. С. 70), однако находка

из Орлино принадлежит к сравнительно редкой разновидности с оригинальной формой бус, имеющей небольшой круг аналогий. Наиболее близки к ней серебряные трехбусинные кольца из кургана № 18 могильника Дрегли в Любытинском районе Новгородской обл., исследованного В. Я. Конечким в 1978 г. и датированного XI в. (Платонова, 2017. С. 139), а также находки из Федовского могильника XI–XII вв. (Спицын, 1905. Рис. 6–7, 10; Конечкий, 1981. С. 94). Индивидуальной особенностью орлинской находки следует считать различие в материале изготовления бус и дужки: бусы выполнены из серебра, в то время как дужка — из медного сплава. Невозможно установить, является ли эта особенность изделия изначальной или результатом ремонта — перенасаживания бус со сломанного стержня на новый. Оформление дужки типично для данной группы изделий и неотличимо от оригинальных серебряных.

Бусина кубическая со срезанными углами, литая из медного сплава (рис. 2, 3а, 3б). Бусы, формой и размером очень напоминающие раннесредневековые 14-гранные весовые гирьки (ср. Носов и др., 2017. Рис. 38, 6, 12; 66, 6, 7) и внешне отличающиеся от них только лишь наличием сквозного отверстия, орнаментированные по граням пуансоном или линейным орнаментом из мелких точек, найдены преимущественно на Северо-Западе России и в Финляндии. В курганах Гдовского Причудья А. А. Спицын датировал такие бусы XI в. (Спицын, 1903. С. 24), и в целом с этой датировкой следует согласиться, хотя опубликованная им бусина из могильника Криуши, «экземпляр очень подержанный» (Там же. С. 47. Табл. XX, 4а), происходит из погребения начала XII в. (Лесман, 1984. С. 141). На Ижорском плато аналогичная бусина найдена в могильнике Ратчино. Три находки происходят из бескурганного могильника с кремациями конца IX — XI в. Которск IX в бассейне верхней Плюссы (Михайлова, 2014а. С. 323. Рис. 4, 14–16). Аналогичные изделия, одиночные и объединенные в многочастные пронизки, представлены в X–XI вв. в Финляндии (Kivikoski, 1973. S. 74, 111. Abb. 499, 815;

Рис. 4. План курганного могильника Заозерье 1 у д. Заозерье (Лесман, 2008. Рис. 10)

Fig. 4. Plan of the kurgan cemetery of Zaozerye 1 near the village of Zaozerye (Лесман, 2008. Рис. 10)

Lehtosalo-Hilander, 1982. S. 128–129). Отдельные находки известны в Латвии (Zariņa, 2006. S. 354. Att. 8) и на острове Сааремаа (Mägi, 2002. S. 180. Pl. 7, 6, 7).

Головка фибулы граненая (рис. 2, 4а, 4б), сравнительно небольших размеров, со следами воздействия высокой температуры. Дужка утрачена полностью, место соединения дужки с головкой оплавлено — возможно, происходит из погребения по обряду сожжения. Аналогичная сохранность гранчатых головок фибул зафиксирована авторами при раскопках могильников с бескурганными кремациями на Ижорском плато и в бассейне р. Плюссы (Стасюк, 2017. С. 143; Михайлова, 2014а. С. 320, 330). Массивные литые подковообразные застёжки с гранчатыми головками и трапцевидным сечением дуги, орнаментированной разными вариантами геометрического штампа, восходят к скандинавским изделиям

эпохи викингов и характерны для мужского убора Восточной Балтики. Они найдены в раннесредневековых погребениях и поселениях на территории Латвии, Эстонии, Финляндии, Северо-Запада России. В Новгороде такие фибулы найдены в слоях Х — середины XII в. и одна, очевидно, случайная, — в слое середины XIV в. (Седова, 1981. С. 86). Из Балтийского региона эти застёжки распространялись в южно- и западнорусские земли (Станкевич, 1962. С. 25. Рис. 9, 3; Плавинский, 2017. С. 114. Мал. 96, 6). М. Мяги относит бытование всей группы застёжек с гранчатыми головками в Эстонии к IX–XI вв. (Mägi-Lõugas, 1994. S. 481. Tahv. I, III). П. Лиги и Н. В. Хвоцинская приводят находки XI в. в могильниках с кремациями северного и восточного Причудья (Лиги, 1982. С. 386–387; Хвоцинская, 2004. С. 81).

В целом представленная небольшая серия древнерусских находок непротиворечиво укладывается в XI столетие и, возможно, маркирует местоположение разрушенного могильника с кремациями и ингумациями. Его расположение рядом с центром погоста, известного по позднесредневековым источникам (Селин, 1995), укладывается в намеченную ранее одним из авторов схему развития погостских центров на основе очагов расселения предшествующего времени (Стасюк, 2018. С. 177–179).

Сложнее обстоит дело с древностями культуры длинных курганов в ближайших окрестностях Орлинского озера. У юго-западной оконечности озера, на действующем кладбище д. Заозерье, расположены несколько нарушенных современными могилами расплывчатых насыпей, известных как курганная группа Заозерье-1 (см. рис. 1; 4). Одна из них, расположенная в центре кладбища, имеет вид сильно поврежденного песчаного вала длиной 18–19 м, шириной около 6–7 м и высотой 1,0–1,2 м, что дало повод причислять могильник Заозерье-1 к культуре длинных курганов (Лесман, 2008. С. 67–68). Однако последующие натурные исследования заставили усомниться в предложенной ранее характеристике памятника: насыпи слишком повреждены, их форма искажена впущенными

Рис. 5. План курганно-жальничного могильника в д. Лемовжа (Михайлова, 2018. Ил. 189)

Fig. 5. Plan of the kurgan-zhalnik cemetery in the village of Lemovzha (Михайлова, 2018. Ил. 189)

могилами и набросами грунта, возможно даже, что не все они являются изначально искусственными объектами (Стасюк, 2014. Л. 44–47; Михайлова, 2018. Л. 48–50).

Те же полевые исследования, между тем, выявили далее к западу, у южного края Ижорского плато, на правобережье средней Луги, другие два памятника, которые можно связывать с культурой длинных курганов. Один из них — могильник уд. Красный Маяк — состоит из низкой валообразной насыпи с отчетливо читающимися ровиками и нескольких небольших круглых в плане курганов, разрушенных при строительстве автодороги (Михайлова, 2018. Л. 74–75). Другой памятник — курганно-жальничный могильник в д. Лемовжа — известен уже давно (см.: Лапишин, 1990. С. 88, № 649). Могильник расположен на склоне правого коренного берега р. Лемовжи, на старом, ныне недействующем кладбище (рис. 5).

В центре участка сохранилось несколько старых могил. В верхней, юго-западной, части могильника сосредоточены низкие расплывчатые насыпи и несколько рядов жальничных могил. При съемке топографического плана обратили на себя внимание две крайние северо-восточные насыпи, внешний вид которых нехарактерен для древнерусских курганных кладбищ. Самый крупный из курганов (№ 35) имеет диаметр 18–19 м и высоту до 2,9 м; другой крупный курган (№ 37) сильно поврежден, но также первоначально имел значительные размеры (Михайлова, 2018. Л. 66–70).

Если находки с берега Орлинского озера действительно связаны с разрушенным могильником, он мог быть схож с могильником в д. Лемовже, сочетая в своем составе разновременные погребальные сооружения и располагаясь по склону берега, что объясняло бы находки предметов в таком низком месте.

- Арциховский, 1930 — Арциховский А. В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 223 с.
- Исланова, 2014 — Исланова И. В. Памятники типа Подол (Культурные контакты населения Верхневолжья в 3-й четверти I тыс. н. э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 26–44 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 15).
- Конецкий, 1981 — Конецкий В. Я. Хронология и этапы формирования Федовского могильника // КСИА. 1981. Вып. 166: Средневековые древности. С. 89–98.
- Кочуркина, 1989 — Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладжья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 347 с.
- Лапишин, 1990 — Лапишин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1: Западные районы. Л.: ЛВВИСУ, 1990. 127 с.
- Левашева, 1967 — Левашева В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: ГИМ, 1967. С. 7–54 (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Лесман, 1984 — Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Лесман, 1990 — Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988. М.; Новгород: Новгород. археол. экспедиция, 1990. С. 29–98.
- Лесман, 2008 — Лесман Ю. М. Вырицкий курганный могильник // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2: Древности Ижорской земли. СПб.: ИИМК РАН, Северо-западный филиал Института Наследия, 2008. С. 33–74.
- Лиги, 1982 — Лиги П. Х. Об исследовании водских курганов в Йыуга // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. Т. 31. № 3. Таллин, 1982. С. 384–387.
- Михайлова, 2014а — Михайлова Е. Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев; сост. И. Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.
- Михайлова, 2014б — Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 436 с.
- Михайлова, 2018 — Михайлова Е. Р. Отчет об археологических разведках в Ленинградской области (на территории Лужского, Сланцевского, Гатчинского и Волосовского районов) в 2017–2018 гг. СПб., 2018 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. 125 л., альбом ил.
- Носов, Плохов, 2016 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 349–394. (Раннеславянский мир. Вып. 17).
- Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XLIX).
- Плавінскі, 2017 — Плавінскі М. А. Курганны могильнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я. Мінск: А. М. Янушкевич, 2017. 240 с.
- Платонова, 2017 — Платонова Н. И. К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках 2-й половины XI — начала XII в. // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Бранко, 2017. С. 124–146.
- Пронин, 1988 — Пронин Г. Н. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины // СА. 1988. № 4. С. 169–179.
- Рябинин, 2001 — Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 264 с.

- Рябцева, 2005 — Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб.: Нестор-История, 2005. 384 с.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Селин, 1995 — Селин А. А. К исторической географии Водской пятины: Грезенский и Орлинский погосты 1500 г. и русско-шведская граница 1617–1618 гг. // Ладога и Северная Русь. Чтения, посв. памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–22 декабря 1995 г.): Материалы к чтением. СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 1995. С. 53–56.
- Спицын, 1896 — Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1896. 124 с. + Табл. I — XIX + 1 карта (МАР. № 20).
- Спицын, 1903 — Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1903. 124 с. (МАР. № 29).
- Спицын, 1905 — Спицын А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской области // Известия ИАК. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1905. Вып. 15. С. 1–5.
- Станкевич, 1962 — Станкевич Я. В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. 1962. Вып. 87: Славяно-русские древности. С. 6–30.
- Стасюк, 2014 — Стасюк И. В. Отчет по результатам мониторинга состояния и использования объектов археологического наследия, расположенных в восточной части Ижорского плато (Гатчинский и Волосовский районы Ленинградской области) в 2014 г. СПб., 2014 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
- Стасюк, 2017 — Стасюк И. В. Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1 // АиИППЗ. Вып. 32. М.; Псков: ИА РАН, 2017. С. 135–152.
- Стасюк, 2018 — Стасюк И. В. От центров расселения к центрам власти: происхождение погостов на западе Новгородской земли // Stratum Plus. 2018. № 5: Когда века были средние: общество и власть. С. 169–182.
- Степанова, 2010 — Степанова Ю. В. Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // Stratum Plus. 2010. № 5: Ремесло археолога. С. 275–283.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 428 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. VI).
- Kivikoski, 1973 — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. 153 S. 1268 Abb.
- Lehtosalo-Hilander, 1982 — Lehtosalo-Hilander P. L. Luistari II. The Artefacts. Helsinki, 1982.
- Mägi, 2002 — Mägi M. At the Crossroads of Space and Time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Ösel), 9th–13th centuries AD. Tallinn: Ajaloo Instituut, 2002. 278 lk.
- Mägi-Lõugas, 1994 — Mägi-Lõugas M. Eestiviikingiaegsed hoburaudsõled ja nende ornament // Eesti teaduste akadeemia toimetised. Tallinn, 1994. Lk. 465–484 (Humanitaar — Ja sotsiaalteadused. N 43).
- Nowakowski, Banytė-Rowell, 2008 — Nowakowski W., Banytė-Rowell R. Ein kaiserzeitliches Grab mit einer Brustkette aus Adlig-Heydekrug (Šilutės Dvaras) im Lichte der Archivalien aus dem Nachlass von Herbert Jankuhn // Lietuvos Archeologija. Vilnius: Mokslas, 2001. T. 21. P. 121–128.
- Rudnicki, 2009 — Rudnicki M. Uwagi na temat niektórych form zawieszek z terenów grupy olsztyńskiej // Baltowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam / Ed. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2009. S. 421–435.
- Setomaa... 2009 — Setomaa, 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Peatoimetaja M. Aun. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. 480 lk.
- Schmiedehelm, Laul, 1970 — Schmiedehelm M., Laul S. Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I. aastatuhandel // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn: Valgus, 1970. Lk. 154–164.
- Zariņa, 2006 — Zariņa A. Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimts. Rīga, 2006. 463. 1p., il.

An assemblage of finds from the village of Orlino

E. R. Mikhaylova, I. V. Stasyuk, A. V. Khoroshilova

This paper deals with an assemblage of stray finds from non-ferrous metal from the bank of Lake Orlino in the upper reaches of the Oredezh River (Gatchina District of Leningrad Oblast), near the south-eastern edge of the Izhora Plateau (Fig. 1). The artefacts found include two wire temple rings, a temple ring or earring with three beads, a massive 14-faceted bead, a truncated-pyramidal head of a horse-shoe brooch, a fragment of an unidentified object in the form of a narrow crescent and a so-called pelt-like lunate pendant (Fig. 2, 2). The pelt-like lunula has numerous parallels among the antiquities of Eastern and Central Europe of the 5th–8th century, including the culture of the Pskov long kurgans (Fig. 3). The latter fact suggests the presence of separate sites of that culture not far from Lake Orlino (Zaozerye, Krasny Mayak, Lemovzha) (Fig. 4; 5). The other finds (excepting the lunate fragment) are ornaments typical of Old-Russian settlements and burials of the 11th century; on two of them traces of the effects of fire are discernible. It is possible that these finds come from a disturbed burial ground once situated on the lake bank. The presumable necropolis can have comprised burial structures of different periods that is fairly typical of the early cemeteries on the Izhora Plateau. Of no less significance is the location of the presumed cemetery near a younger *pogost* (parish centre).